

Между химерой и тайной: «Посвящение Еве»

«Загадочные вариации» написаны Эриком Эмманюэлем Шмиттом специально для бенефиса Алена Делона. Пьеса быстро привлекла внимание российских режиссеров и начала множиться в зеркале сценических интерпретаций. В 1999 г. «Загадочные вариации» появились на сцене Театра им. Маяковского в постановке Елены Неvejeиной. Еще одна версия принадлежит Алексею Серову и БДТ им. Г.А. Товстоногова. Затем – Молодежный театр на Фонтанке (режиссер Дарья Камошина) и ТЮЗ (под названием «Вариации тайны», режиссер Кама Гинкас). Но самой философичной и многослойной остается версия, созданная «вахтанговцами».

Е. Князев – Эрик Ларсен, В. Лановой – Абель Знорко. «Посвящение Еве».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото предоставлено пресс-службой театра

«Посвящение Еве», поставленное в 1999 г. Сергеем Яшиным и Сергеем Голомазовым в Театре имени Евг. Вахтангова, можно назвать легендарным уже потому, что на протяжении двадцати лет роль Абеля Знорко играл Василий Семенович Лановой. Последний раз – 20 декабря 2020 г., незадолго до смерти выдающегося актера. Однако это не единственный повод для разговора о постановке в историческом контексте. Театральное произведение рождается на стыке писательского замысла, режиссерской интерпретации, того, что смог донести до зрителя актер и воспринять зритель. Иными словами, работая с литературным источником, режиссер должен, в первую очередь, ясно понимать, что хотел сообщить нам автор и каково его место в культурном процессе.

Эрик Эмманюэль Шмитт – один из самых интересных писателей современности. Бельгиец, живущий во Франции, проходит в Европе по разряду кассовых драматургов. На самом же деле Шмитт, доктор философии, много лет преподававший эту дисциплину в университете, пишет интеллектуальные романы и не менее серьезные и сложные пьесы. Это не значит, что его сочинения трудны для понимания, вовсе нет: даже его «Распутник» о жизни великого Дидро искрист, как французское шампанское, пьеса способна увлечь даже самого невинного в плане философских познаний зрителя.

В. Лановой – Абель Знорко. «Посвящение Еве».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото предоставлено пресс-службой театра

Поэтому, как бы отечественные и зарубежные режиссеры ни адаптировали «Загадочные вариации» к конкретным культурным реалиям и своим вкусам (то сгущая оттенки голубого, то трансформируя неоднозначную фабулу в банальный любовный треугольник), авторского присутствия им из пьесы не вытравить. Философский взгляд Эрика Шмитта – глубже имеющихся интерпретаций, к которым склоняет режиссеров оригинальное название текста. А оно в данном случае имеет большое значение.

«Загадочные вариации» (или «Энигма-вариации») – одно из лучших симфонических произведений Эдуарда Элгара. Мелодия, транслирующая чувство чего-то невыразимого, связывает двух мужчин, которым их возлюбленная в разное время подарила запись этой печальной щемяще-прекрасной музыки. На первый взгляд, речь идет о тайной любви. Но это совсем не так.

Конструкция проста: пьеса построена на единстве времени и места действия, в ней очень мало событий, а «ружье стреляет» в самом начале.

На остров Рёзваннэ в Норвежском море к затворнику-нобеляту и лютому мизантропу приезжает Эрик Ларсен, журналист из провин-

циальной газеты. Далее все происходящее сводится к экспрессивным, психологически точным, то ироничным, то сентиментальным, то драматичным диалогам между двумя мужчинами. В Театре им. Вахтангова действие идет в полумраке: нам говорят о потемках чужой души.

В первые минуты зритель видит Абеля Знорко в образе Дон Жуана. На нем алый, цвета страсти, камзол и голубой жилет, оттенок которого хочется назвать цветом мечты. Костюм XVIII в. указывает на оторванность Абеля от современной жизни. Будто пытаясь увлечь его за собой, по сцене проносятся химеры. Акцентируя одну из главных тем – конфликт иллюзорного и реального – они эпизодически появляются вновь. Их танец подчеркивает мистическую, обращенную к воображению линию в довольно реалистичном спектакле, не тяготеющем к заумным метафорам, хотя и не чуждом прозрачной символики.

После череды высокомерных выпадов в адрес журналиста, разносчика пошлости, Абель с придыханием описывает их необычные отношения с Элен, прототипом героини его романа «Невысказанная любовь». Знорко быстро расстается с любимой, рвет по-живому, дабы дофаминовый фонтан не иссяк, став топливом для сублимации в творчестве. «Елозили как могли, но оставались с каждым разом все более одинокими». Тема одиночества и границ единения с другим, как чисто физического, так и ментального, в пьесе совершенно определенно смыкается с проблемой возможного – его принципиальной осуществимости.

Динамику действию придают два технически виртуозных перехода от незнания к знанию и один чисто смысловой поворот в финале. В первом таком эпизоде выясняется, что Эрик не журналист и им только прикидывается муж Элен, скромный учитель музыки. Ближе к финалу писатель узнает, что Элен умерла от рака легкого, а последние десять лет письма Знорко писал Ларсен. Те самые письма, которые нобелевский лауреат опубликовал в романе от лица его героини Эвы, дабы спровоцировать на контакт внезапно замолчавшую «корреспондентку». «Это тоже писали ВЫ?» – теряет дар речи рафинированный эротоман Знорко, зачитывая вслух описание деликатных интимных переживаний, в которые погружает своего адресата Элен... нет, Эрик Ларсен.

До этого момента В. Лановой и Е. Князев разыгрывали на сцене поединок между двумя упрощенными жизненными идеологиями. Наблюдать за поединком «гения» и человека из «серой массы» занимательно, но всерьез относиться к нему невозможно. Тем более, что сам автор явно иронизирует над этим псевдоконфликтом: и ему, и нам хорошо

известны писатели, таланту которых не помешали раскрыться ни быт, ни сложные обстоятельства.

Говоря коротко, экзальтированным переживаниям и самоупоению Знорко Ларсен противопоставляет такой тип отношений с женщиной, в которых все предсказуемо, мало секса (по признанию самого Ларсена) и основой является забота, невозможная без трезвого взгляда друг на друга.

«Скажите, Вы выключаете свет, когда занимаетесь любовью с женщиной?» – «Да... А что такого?» – «Я так и знал...» Прежде неловкий, комичный, скромный, едва ли не ползающий перед Знорко герой Евгения Князева вырастает на сцене вместе со своей человеческой правдой: рассказывает, как на протяжении месяцев угасания любимой женщины он кормил ее с ложечки и, видя ее страдания, мечтал о ее скорейшем уходе из жизни. Знорко в этой сцене, напротив, выглядит сдувшимся до размеров испуганного воробышка. За кем в этом споре-исповеди останется последнее слово? А главное, какую Элен любили два таких разных мужчины? Понятно, что спектакль создается не для того, чтобы найти истину, но убедительная игра Ланового не оставляет «гению» и «герою-любовнику» шансов на сочувствие публики. «Гениальности» романиста принесена в жертву жизнь. Элен, расставшись с ним, вышла замуж за друга детства и через два года умерла. И вот, спустя столько лет, «гений», как подросток, отчаянно пытается нащупать путь к самому себе...

Суть конфликта в «Посвящении Еве» лежит, таким образом, не в этически-бытовой, а в философской плоскости. Сложная гамма чувств – от иллюзорной надежды до эгоистичной окрыленности – тоже духовное завоевание, которое не стоит вычеркивать из жизни героя, сыгранного Василием Лановым. «Любовь к воображаемому сродни наркотической зависимости», – говорит он. Пылкая фантазия позволяет подсветить бытовую реальность так, чтобы вместо серых будней нам виделся яркий фейерверк. Она же, фантазия, является сутью искусства театра, искажающего пространственно-временные связи, создающего иллюзию иной, более интенсивной реальности. Способность воображения раздвигать границы возможного, как известно, сделали предметом культа европейские писатели-романтики, обогатив культуру чередой обольстительных образов и виртуозных (увы, уже непоправимо затасканных) нарративов. Пьеса Шмитта может быть понята и как поздний оммаж этим авторам – от Новалиса до Гофмана и Бодлера, – и как попытка взглянуть на поставленную проблему сквозь современную оптику, вооруженную

Е. Князев – Эрик Ларсен. «Посвящение Еве».
Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова.
Фото предоставлено пресс-службой театра

психоанализом, сексологией, культурной антропологией. Все диалоги в спектакле, как и в пьесе Шмитта, очевидно вращаются вокруг трех «брендовых» романтических тем: поэт и толпа, невозможность любви, конфликт мечты и реальности (причем вторая тема является кровной дочерью третьей). Сюжет с умиранием прекрасной молодой женщины, кстати, тоже почитаем романтиками.

Хотя успех пьесы предопределен не литературными аллюзиями, о которых почему-то не написал ни один рецензент. Она трогает экзистенциальной глубиной, раскрытой в рискованной манифестации: любовь всегда права и она не обязана быть историей на двоих. Жизнь играет теми, кто воображает, что играет жизнью. Показательна инверсивная логика сюжета, точно визуализированная режиссером и сценографом. Винтовая лестница в левой части сцены как бы предназначена для демонстрации неустойчивости успеха противников. Поднимаясь по ней в конкретные моменты действия, они попеременно возвышаются друг над другом.

В финале Знорко – агрессивный сноб и эгоцентрик – эмоционально сливается со своим антиподом, совпадает с ним даже внешне. Это третий неожиданный поворот сюжета. В финале оба героя стоят

плечом к плечу в современной одежде практически одинакового кроя (среднестатистические мужские плащи).

Прославляя «крепкую мужскую дружбу» в духе «новой этики», западные режиссеры договаривают на сцене недосказанность, оставшуюся в пьесе Шмитта: мускулистые гламурные герои (один из них обязательно чернокожий) берутся за руки и уходят со сцены вместе. Тоже вариация, хотя не столь уж загадочная.

В «Посвящении Еве» женщина, позволившая себе в разное время по-разному любить двух разных мужчин, умирает, тем самым дав им возможность понять друг друга, найти или создать общий язык. История получает продолжение, предоставляя место новой проблеме и новому возможному смыслу. В чем он заключается?

Жизнь не в состоянии исчерпать себя. В этой связи в довольно простой символике спектакля нельзя не отметить метафору океана. Звуки прибоя сопровождают диалоги на протяжении всего действия. А голоса сирен обольщают, призывая отдаться им во власть. Хочется сказать так, но натыкаешься на слишком явное противоречие. В центральном для понимания пьесы эпизоде, в котором Ларсен цитирует слова жены: «Мы никогда не знаем того, кого любим», – обозначается тонкая грань между тайным, загадочным и химерическим. Тайна не всегда подразумевает обман, а чья-то загадочность для нас может оказаться плодом самообмана, химерой.

Акцентируя игру смысловыми оттенками «тайны», образ Элен решен как внесценический персонаж. Мы видим эту женщину только глазами любивших ее мужчин. Реплики, непосредственно ее касающиеся, звучат вместе с главной музыкальной темой «Загадочных вариаций». Персонаж лишен физического воплощения, нет ни малейшего намека на его визуализацию. Только слова, только музыка. Разве не это составляет подлинную сущность каждого человека?

В финале Ларсен берет окончательный реванш у Знорко, побежденного и психологически, и морально. Эрик произносит несколько патетическую речь: о том, что этот уязвимый, больной той же болезнью, что и его Элен, не способный жить в реальном мире человек нужен всем остальным людям, потому что в безграничном воображении, выплеснувшись на страницы его сочинений, каждый способен найти что-то свое и тем самым стать живее – прожить жизнь ярче.

Будучи писателем-постмодернистом, лучшим из представителей этого направления, Шмитт, таким образом, выжимает максимум из

постмодернистской игры с уже созданным в культуре. В основе его авторской стратегии, конечно, лежит и коммерческий расчет: «пошлятинка» (не пошлость!) – необходимый ингредиент популярности у широкой публики. Но обыграна она виртуозно: тут и небольшой экскурс в историю литературы, и слегка пикантная развлекательность, и взгляд на старые проблемы из нового века, охочего до парадоксов и запретных тем.

Достав из ветхого сундучка романтические клише, страхнув с них пыль, местами спародировав, местами – глубоко переосмыслив, он утверждает в финале решение, в общем-то уже давно предложенное: искусство получает санкцию быть воплощением невозможно-возможного, ибо без него человеку не жить. Вот почему не все способны вынести встречу с мечтой: теряется перспектива, жизнь перестает будоражить. Остается только найти ответ, как примирить ее с искусством. Финал прочитывается именно так, потому что в вахтанговской версии Знорко не следует за Ларсеном. Он вновь выбирает наслаждение от возможности сблизиться, которую никогда не воплотит в реальность: «Я напишу Вам», – говорит он, сидя на только что собранном чемодане.

Ответ на вопрос, о чем же тогда постановка, если не о тайной любви, таков. Мелодрама, любовный треугольник – лишь внешняя оболочка, внутри которой для человечества разыграно пока еще не утратившее своей трагической остроты столкновение пылкого воображения с миром косной материи, мечты с реальностью, искусства с жизнью. А действие на сцене заставляет задуматься: что же все-таки со всем этим делать, чтобы не предать себя и остаться человеком?

«Посвящение Еве» – тот несчастый случай, когда режиссеры представили драматурга в самом выгодном для него свете: и как мастера интриги, и как сердцеведа, и как мыслителя.